

Андрей ГОНЧАРОВ: МАСШТАБ ГЕРОЯ ИЗМЕРЯЕТСЯ ЖИЗНЬЮ

Главный режиссер Московского академического театра имени Вл. Маяковского, народный артист СССР А. Гончаров как-то заметил, что сейчас надо пересматривать арсенал выразительных

средств театра чуть ли не каждые пять — семь лет, иначе может нарушиться обратная связь сцены и зала. Время, театр, герой — тема беседы Андрея Гончарова с нашим корреспондентом.

— Андрей Александрович, вы работаете в театре им. Вл. Маяковского уже шестнадцатый сезон. Можете вы гадать судьбу нового спектакля, предвидеть, что принесет премьера — успех, неудачу?

— Думаю, что этого не сможет сделать никто. Я скептически отношусь к утверждению о том, что тот или иной спектакль «обречен на успех». Так не бывает, ибо успех и аплодисменты — это далеко не одно и то же... Но мы в нашем театре при выборе новой работы всегда вспоминаем слова А. Герцена: «Если в партере нету мыслей, которые вы собираетесь выразить своим спектаклем, если нету их в зрительном зале, то сколько бы вы ни старались, ничего из этого не произойдет...»

На июньском Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что в современном мире происходит резкое, небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух полярно противоположных мировоззрений. И это положение для меня является определяющим при размышлениях о том, чем следует заниматься в первую очередь.

Нынешний театальный сезон для нашего театра особенный — мы отмечаем 60 лет его жизни. Историей своего театра мы гордимся, в ней — истоки нашего современного видения мира. Напомню: на фронтах гражданской войны хорошо знали Театр революционной сатиры. В 1922 году В. Э. Мейерхольд на основе Тервсата, как тогда говорили, создал Московский Театр Революции.

— Какими они были, эти первые шаги?

— Если говорить коротко, то они включали в себя сочетание классического и современного репертуара, упорный поиск путей к новому зрителю, к тем прекрасным людям, которые совершили революцию, преодолели разруху, взялись за необыкновенно великое дело — строительство социализма. Впоследствии в нашем театре в разные годы были поставлены «Первая Конная» Вс. Вишневского, «Поэма о топоре» Н. Ф. Погодина, его же «Мой друг» и

«После бала». В спектакле «Правда» А. Корнейчука М. М. Штраухом был создан образ Ленина. И в то же время у нас шли «Доходное место» А. Островского, «Ромео и Джульетта» Шекспира, «Собака на сене» Лопе де Вега... Впрочем, перечисление — это почти всегда некий вид отчетности, а отчетность театру даже перед юбилеем не очень к лицу...

— Почему же, Андрей Александрович? На спектакли театра имени Вл. Маяковского сегодня попасть трудно — аншлаги. Однако так было не всегда...

— Да, мы помним и те дни, когда, как печально мы шутили, борьба «ангелов с архангелами», хорошего с еще лучшим на театральной сцене проходила при полупустых залах.

— Только ли это было причиной пустоты в зале?

— Нет, конечно. Любый театр силен не только репертуаром, но и режиссерами, актерами. В наш театр шли на «Таню» и «Иркутскую историю» Арбузова, но шли также и для того, чтобы посмотреть работы режиссеров А. Д. Попова, Н. П. Охлопкова, В. М. Бebutova, И. Ю. Шлепянова, Н. В. Петрова, А. М. Лобанова, игру замечательных актеров М. Ф. Астангова, Д. Н. Орлова, С. А. Мартинсона, Л. Н. Свердлина, А. А. Ханова...

— Наверное, не очень просто быть на высоте тех требований, которые были сформулированы в изначальные годы биографии театра?

— У каждого времени — свои требования. Но есть и общее, то, о чем я уже говорил. Настоящий театр всегда предполагает конфликт. Театр всегда социален, гражданствен, и в этом его сила. Вспоминую, как я открыл для себя послевоенное «социальное» кино. Это произошло тогда, когда на его экране появился «Председатель». Трубников буквально потряс меня силой противостояния разрушенному и жаждой восстановить его.

Помню и свое открытие В. Шукшина. Я поставил его «Характеры», сделал инсценировку из его пьес, из новелл. «Характеры» шли у нас пять

лет. Ночами я сидел в этом помещении театра, где находимся мы сейчас, вместе со своими учениками. Теперь они уже учат других. Тогда же первую свою драматическую пьесу он написал для нас. Это были «Энергичные люди». Вот, пожалуй, тоже пример того, о чем я говорил. Для меня написанное В. Шукшиным масштабно — в центре его творчества такая глобальная проблема, как человек и научно-техническая революция. Не все согласятся с мыслью, что человечество порою отстает перед натиском научно — технической революции. А мне кажется, что надо обязательно говорить о необходимости усилить запас духовной стойкости в людях. И борьба духовного начала с бездуховным, с нравственной пустотой, перерастающей порою в жестокость, — вот тема для театра, ибо это основа многих жизненных конфликтов.

Как нам удается ее решать? По-разному. Откровенно скажу, что не хватает нам в драматургическом «пространстве» оазисов, родников. И поэтому мы расширяем свои интересы, стараемся внедрить в театр многоязычие форм, театральные приемы диалога со зрителем. В жизни у нас очень много различных интонаций в разговоре с партнером, очень много. Почему же со сцены мы должны говорить только одним языком? А характер разговора, его интонация очень часто определяют многое в его содержании. В театре — все главное... Расширяя этот диапазон разговора со зрительным залом, театр три года работал над пьесой Розовского о Маяковском. Называется она «Маяковский начинается» и сделана целиком на фее-рии стихов раннего Маяковского.

— Позвольте возвратиться к тому, о чем уже был разговор. Неужели в нашей современной драматургии действительно мало «оазисов»? Ведь в минувшем сезоне в афише вашего театра появились несколько новых имен.

— В прошлом году велось немало разговоров о «новой волне» в драматургии. Но я бы посмотрел на «структуру» новой волны не только с точки зрения содержания. Что несет эта «волна» с собою — глубину или мелкотемье? Каков он, современный герой, в представлении современных драматургов? Весь мой опыт подсказывает: зрителя интересуют человек, его внутренний мир, процессы, происходящие в нем. Мы поставили у себя пьесу В. Арро «Смотрите, кто пришел!», считая ее лучшей. Ставил ее Б. Морозов, ныне главный режиссер Театра им. А. С. Пушкина. Пьеса, на мой взгляд, интересная — в ней обнажен новый социальный срез, она показывает корни современного мещанства. Герою противостоит компания чванливых интеллигентов, распродающих свои «вишневые сады»...

— Перед вами, Андрей Александрович, на сцене проходят десятки и сотни самых разнообразных людей. Не будем говорить о личностях исторических, о них многое уже сказано, но что из современников вам больше всего нравится? Кание чисто чело-веческие черты вам близки в жизни?

— Человек — идеал?.. Представление о нем тоже периодически меняется и с возрастом, и по ряду многих причин. Но всегда должно оставаться главное: твердость нравственных позиций. К сожалению, встречается немало людей, у которых

такие понятия, как добропорядочность, честность, вызывают ироническую улыбку. Нельзя допускать, чтобы высокие нравственные ценности нивелировались! Нельзя терпеть ни на сцене, ни в жизни ходульную фальшь и демагогию, когда дорогими нам словами прикрываются пустота и равнодушие. Человек действия и поступка мне ближе всего.

— Человек действия и поступка?! А умение любить и быть верным чувству?

— Верность и преданность — эти качества я очень и очень ценю. И какое счастье тому, у кого они есть в реальной жизни. Хотя в жизни есть все! Рядом с этими чувствами я бы поставил героизм. Мне довелось встретить в жизни много настоящих героев. Вот здесь, рядом с нами — улица Наташи Качуевской, улица ее памяти... Она была секретарем комитета комсомола, она провожала меня на фронт и выходила меня в госпитале... Таких примеров в жизни много, а вот в драматургии...

— Вот мы и снова возвращаемся к теме современного героя в искусстве...

— Это ведь важно! Разве в сегодняшней жизни мало таких конфликтов, ситуаций, которые требуют от человека мужества, силы духа, подлинно гражданских позиций? И разве не аксиома, что значительные социально-нравственные коллизии могут быть раскрыты только через характеры крупные, масштабные?

— Кто он, герой? Человек с верой, человек с идеалами! Это и добрейший Дон-Кихот, и Сократ, и мужественный Егор Трубников... Они понятны людям именно потому, что отличаются масштабом мысли и действия.

Мы сейчас ставим уже четвертую пьесу Генриха Боровика. Почему мы так активно сотрудничаем с этим автором? Да все по той же причине: его драматургию отличают масштабность темы, глобальность положенных в ее основу международных конфликтов.

Трудно, порою просто невозможно провести грань между историей и современностью.

Три года у нас уже идет пьеса Э. Радзинского «Она в от-сутствии любви и смерти». Это пьеса современная. Однако, как я считаю, можно говорить со зрителями о современности и тогда, когда на сцене — события давно минувших дней. К примеру, Сократ из пьесы Э. Радзинского интересен именно потому, что это человек, который дерется за нравственный идеал: он готов за него выпить чашу и умереть...

Сейчас мы ставим спектакль того же Э. Радзинского «Театр времен Нерона и Сенеки». О прошлом спектакль или о том, что волнует и теперь? Я на этот вопрос для себя ответил так: находит же ржавое копье Дон-Кихота и сегодня не ветряные мельницы, а вполне реально существующие цели! Для меня Дон-Кихот не смешной чудак — он герой. Не так просто бесконечно поверить во все идеальное. А он поверил, отстаивал свои идеалы и был способен пожертвовать собою... Я бы хотел, чтобы сегодня появился мой современник, способный с такой отдачей поверить в идеальное! Но такой пьесы нашему театру пока не предложили...

— Подождем, Андрей Александрович?

— Ждать нет времени, надо работать...

Беседу вел
Н. КИЦИК.